

Это было ближе всего к божеству, это было самое близкое святилище.

И Гу Чуньлай целовал это место.

Затем он открыл глаза.

Сяо Жофэй не знал, что у Гу Чуньлая может быть такой взгляд.

Он отличался от того, каким он смотрел на Бай Яньнаня раньше. Он был более открытым, более откровенным, полным скрытой страсти, но в то же время искренним и горячим. Каждое движение выдавало тайную, безумную любовь. Сяо Жофэй не знал, как долго Гу Чуньлай сдерживался, как долго он терпел, чтобы в момент прощания всё выплеснулось наружу.

Это было выражение глубокой любви. Даже если бы Гу Чуньлай сказал, что готов отдать жизнь за этого человека, Сяо Жофэй бы поверил.

Сяо Жофэй вдруг вспомнил, как Гу Чуньлай играл в «Обители сердца». Он был настолько хорош, настолько правдив, что все, кто смотрел фильм, плакали из-за его безответной любви к героине. Тогда Сяо Жофэй был слишком поглощён работой, чтобы заметить человека за этим взглядом.

Этот взгляд пронзил его сердце.

Перед глазами Сяо Жофэя застыла масляная плёнка, а взгляд Гу Чуньлая стал искрой, упавшей на неё.

Сяо Жофэй шагнул вперёд и резко оттащил Гу Чуньлая, который ничего не подозревал.

Гу Чуньлай словно поймал себя на самом сокровенном секрете. Его тело напряглось, взгляд забегал, и он начал бормотать извинения, паника и растерянность сменяли друг друга на его лице.

Этот Гу Чуньлай был слишком незнаком, настолько, что это раздражало Сяо Жофэя ещё больше.

— Ты... с Яньнанем? — спросил он, голос хриплый.

— Нет, нет, я не с ним, как я могу быть с ним, ты ошибаешься, ничего такого не было, правда...

Спокойствие, казалось, покинуло Гу Чуньлая.

Сяо Жофэй смотрел на человека, который стал для него почти чужим, и чувствовал себя смешным и жалким. Его попытки построить отношения провалились, его друг превратился в кого-то, кого он не узнавал. Всё, во что он верил, всё, что он считал своим, в этот момент исчезло, рассыпалось в прах.

Сяо Жофэй сказал, почти с вызовом:

— Мы с Яньнанем расстались.

Как и ожидалось.

Гу Чуньлай выдал ту самую реакцию — радость, восторг, безумие, надежда. Сам он этого не замечал, продолжая говорить:

— Как так, какая жалость.

Как они дошли до этого?

Сяо Жофэй заставил себя успокоиться, но его слова уже выходили из-под контроля, словно ножи:

— Ты рад?

Он увидел, как за спиной Гу Чуньлая появилась невидимая рука, подняла молот и ударила его по голове. Он видел, как тот, кто всегда был красноречив, оцепенел, выражение лица постепенно рушилось, и он произнёс с дрожью в голосе:

— Нет... как это возможно...

— Поздравляю, теперь ты можешь быть с Бай Яньнанем.

— Нет, нет... ты ошибаешься...

— В чём я ошибаюсь? Скажи мне! Чья это кровать? — Сяо Жофэй сжал кулаки и, не колеблясь, ударил по жёсткому металлу, раз за разом, громче, чем звук падающих деревьев за окном.

— Это его кровать! Но это не он, ты ошибаешься, не он!

За спиной грянул гром.

Один, два... молнии осветили ночь, превратив её в день, ударив по лицу Гу Чуньлая. Сяо Жофэй увидел его покрасневшие глаза и следы слёз на щеках.

Голова Сяо Жофэя взорвалась.

Гу Чуньлай плакал.

За все эти годы Гу Чуньлай рассказывал о своих переживаниях множество раз — смерть родителей, смерть бабушки на его глазах, травмы, которые оставили последствия, боль, которая мучила его в холодные дни. Всё это могло заставить кого угодно плакать, но он говорил об этом так, словно это были чужие истории, с холодным спокойствием, почти пугающим.

И вот этот Гу Чуньлай плакал.

Он никогда не был таким живым, таким объёмным, словно холст, на который вылили краски, из которого выросли цветы, появились крылья, вышли ножи, загорелся огонь, горячий и полный жизни.

Только любовь и ненависть могли придать человеку такие яркие краски.

— Ты, чёрт возьми, трус!

Сяо Жофэй схватил Гу Чуньлая за руку и потянул за собой, но тот оказался сильнее и вырвался.

— Хочешь номер Бай Яньнана? Сможешь ему признаться?

Гу Чуньлай кричал, рычал, слова, которые никогда не подходили ему, закрывали его лицо.

— Сяо Жофэй! Успокойся! Дай мне договорить! Я действительно не... Я не знаю...

Что ещё можно было не знать? Что ещё было неясно?

Всё было так очевидно, почему он всё отрицал?

Сяо Жофэй хотел ударить Гу Чуньлая, хотел вскрыть его череп, хотел сорвать маску с его лица, хотел заставить его сказать правду.

Он произнёс слова, которые позже стал считать самыми большим своим сожалением:

— Гу Чуньлай! Ты просто жалкий трус!

Остатки разума Гу Чуньлая рухнули.

Он ударил кулаком, попав точно в лицо Сяо Жофэя, отчего у того потемнело в глазах, а гнев закипел. Сяо Жофэй ответил без колебаний. Они забыли о приличиях, о достоинстве, как два зверя, долго сдерживаемых, они бились друг с другом, дыхание смешивалось, кровь текла, и в их глазах не было ничего, кроме безумия и теней друг друга.

Сяо Жофэй не знал, что Гу Чуньлай может так драться, что у него такая сила. Его удары ослабевали, а Гу Чуньлай продолжал бить, так же, как он сам делал раньше, раз за разом ударяя по кровати Бай Яньнана, даже оставляя на ней лёгкие вмятины.

На окровавленном лице Сяо Жофэя появилась торжествующая улыбка:

— Даже так... ты... не решаешься?

Гу Чуньлай остановился. Он взял голову Сяо Жофэя в руки, пристально глядя ему в глаза, его горячее дыхание обжигало лицо Сяо Жофэя. Слёзы высохли, только кровь капала на лицо Сяо Жофэя, стекая по щекам, пропитывая его рубашку, проникая в его сердце.

Гу Чуньлай сказал спокойнее, чем когда-либо:

— Сяо Жофэй, пусть ты будешь счастлив. Больше не позволяй мне видеть тебя.

С этими словами он взял чемодан и без колебаний ушёл.

Сяо Жофэй почувствовал, что какая-то часть его тела умерла вместе с ним.

За тысячи километров Гу Чуньлай открыл глаза от вибрации телефона.

Каждый год в это время он плохо спит, сны поверхностные, и малейший шум может его разбудить. Вчера у них была сцена с Мяо Пинпин, которая играла Ван Лицин, и они никак не могли её закончить, пока в три часа ночи не завершили съёмки. Пережив время сна, даже если он был измотан, Гу Чуньлай не мог уснуть, голова болела, шея ныла, руки дрожали, а сердце билось в ушах. Он выпил лишь глоток чёрного кофе, и его стошнило, но съёмки продолжались, и ему оставалось только терпеть.

К счастью, эта сцена не была ключевой, камеры были простыми, и состояние персонажа совпадало с его текущим, так что они сняли её с первого дубля. Следующая сцена была назначена на вечернее золотое время, и у него было несколько часов свободного времени. Он

договорился с ассистентом режиссёра, что отправится в трейлер немного отдохнуть, и если что-то случится, его вызовут.

В начале ноября в Байшуе было холодно, как в самые морозные дни в Цзинчэне. В трейлере, когда никого не было, отопление не включали, и повсюду было холодно. Гу Чуньлай, держась за стену, прошёл внутрь, даже не сняв обуви, и рухнул на кровать. Через некоторое время он так замёрз, что натянул на себя одеяло.

Вчера было слишком много дел, и он не успел посмотреть телефон. Теперь у него было немного времени, и он быстро открыл Weibo, перешёл в группу «Фестиваль фильмов в городе Т» и начал пролистывать посты. Все блогеры, которых он читал, писали о продвижении специальной секции «Мыс Надежды» для отечественных фильмов, и это не имело отношения к «Цаньсин».

Гу Чуньлай невольно подумал, что команда по продвижению «Цаньсин» действительно спокойна, позволяя другим привлекать всё внимание. Интересно, волнуется ли Сяо Жофэй.

Он хотел спросить, открыл WeChat, перешёл к диалогу с [Бабочкой], пробежал глазами и закрыл. Сообщения были разрозненными: Сяо Жофэй спрашивал, как прошла сцена с поцелуем, а он ответил через два дня: [Нормально]. После этого, что бы он ни писал, Сяо Жофэй больше не отвечал.

Прошла уже неделя.

Гу Чуньлай начал беспокоиться, спросил Чжан Ичэна, и тот сказал, что босс не отвечает, все отправленные сообщения остались без ответа. Он спросил в отделе маркетинга, и там сказали, что Сяо Жофэй в последние дни очень занят, спит по два-три часа в сутки, а потом снова берётся за работу, словно не берёт себя.

<http://bllate.org/book/15563/1415658>